

РУССКАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
В РОМАНЕ ЯАНА КРОССА
«ИМПЕРАТОРСКИЙ БЕЗУМЕЦ»*

ЛЮБОВЬ КИСЕЛЕВА

«Императорский безумец» — один из самых знаменитых романов Я. Кросса, переведенный на многие языки мира, — был опубликован в 1978 г. Русский перевод его, выполненный О. А. Самма, впервые вышел в 1980 г. в журнале «Дружба народов», отдельным изданием — в 1984 г.¹

Нас будет интересовать один из аспектов большого и сложного текста, на первый взгляд — не центральный, но тесно переплетенный с основной проблемой романа, которую можно обозначить как «судьба эстонцев под чужим гнетом». Дело тут не только и, может быть, не столько в описываемой Кроссом исторической эпохе, когда Эстония входила в состав Российской империи и была разделена между двумя остзейскими губерниями — Эстляндией и Лифляндией, где господами являлись прибалтийские немцы, а эстонцы в основной своей массе были крепостными крестьянами. Кросса интересует в первую очередь то, как из забитого неграмотного народа, оказавшегося между двух чужих враждебных сил (помещичь-

* Статья написана в рамках темы целевого финансирования TFLGR 0469.

¹ Ольга Самма (урожд. Левина, по первому мужу — Смолян; 1912–1985), германистка, ученица Е. Г. Эткинда, автор исследований о Ф. М. Клингере, Шиллере, переводчица с немецкого, до выхода на пенсию была доцентом ЛГПИ им. Герцена. В 1965 г. вышла замуж за известного эстонского литературного деятеля Отто Самма (1912–1978), переехала в Эстонию. Она настолько блестяще изучила эстонский язык, что стала основной переводчицей произведений Кросса на русский. Писатель высоко ценил переводческую деятельность Ольги Самма: [Kross 1982].

ей — остзейской и государственной — российской), прорастает эстонская нация. Поэтому рядом с главным героем, прототипом которого является реальное историческое лицо — лифляндский дворянин, российский гвардии полковник в отставке Тимотеус Эбергард фон Бок, в 1818 г. посаженный императором Александром I в Шлиссельбургскую крепость за «возмутительное» письмо, — появляется вымышленный повествователь, эстонец Якоб Меттик, брат жены Бока. Эва, бывшая крепостная крестьянка, ставшая Екатериной фон Бок, имеет реального прототипа, и все же эту романную героиню вполне можно считать плодом творчества писателя, т.к. о реальной Китти, как называл ее муж, известно слишком мало.

К моменту написания «Императорского безумца» Малле Салупере еще не разгадала тайну этого удивительного брака. Ее исследование, во многом уточняющее и корректирующее фактическую подоснову романа, было опубликовано лишь в 1990 г. [Salupere 1990; перепеч.: Salupere 1998; рус. вар.: Салупере]. Однако еще Н. Лыжин в известной статье о Боке [Лыжин]² (одном из основных источников романа) писал, что Тимотеус в течение 13 лет был безответно влюблен в некую девушку, и сравнивал его чувство с любовью у Новалиса и Жуковского. М. Салупере установила, что предметом страсти была Юлия Катерина фон Берг (Julie Catherine von Berg, 1786–1817), которая в 1813 г. вышла замуж за Карла фон Бока, брата Тимотеуса, и скончалась в 1817 г. [Salupere 1998: 76]. Ее служанкой была эстонка Ева, недаром названная при переходе в православие Екатериной — при венчании в Успенской церкви г. Тарту она была записана как Екатерина Петрова — ее имя напоминало Боку о его утраченной возлюбленной [Там же: 81].

Я. Кросс не знал имени возлюбленной, но история несчастной любви Т. фон Бока была ему в общих чертах известна, поэтому его трактовка брака Тимо в романе столь же «идеологична», как и жест прототипа. Нет сомнения в том, что брак с крестьянкой, заключенный через несколько месяцев после

² Заглавие статьи Лыжина ориентировано на цензурные условия 1850-х гг. и призвано скрыть имя главного героя.

смерти любимой женщины (смерть — 14 марта 1817, свадьба — 12 октября 1817), в период обдумывания политического меморандума, — стал составной частью общественной программы Т. фон Бока: «Вижу в каждом эстонце своего соотечественника» [Бок: 193]³.

Кроссу, автору романа об эстонской доле, важно подчеркнуть, что эстонские крестьяне Эва и Якоб способны в короткий срок стать образованными людьми, что Китти сделалась не просто женой, но и соратницей Тимо, а также настоящей аристократкой, обладающей всем обаянием красоты, ума и светского такта и не потерявшей при этом трудовой крестьянской закваски. Она равно открыта общению и с деревенскими женщинами, и с интеллектуальной элитой университетского Дерпта. И, конечно, Тимо и Китти в романе связывает глубокая взаимная любовь. У Кросса выбор, сделанный остзейским дворянином в пользу эстонской крестьянки, должен утвердить в глазах читателя романа гордость за эстонский народ, уверенность в его великих возможностях. Преображение вчерашних крестьян в собеседников Паррота, Мойера, Эверса, Жуковского и пр. подчеркивается неоднократно, но повышенная реакция некоторых персонажей (например, императрицы Марии Федоровны), воспринимающих это как небывалое «чудо», трактуется иронически (см.: [Кросс: 147]).

Якоб Меттик — совсем не «простодушный землемер» и не человек, утративший одну (эстонскую) идентичность и не обретший другой (как иногда пишут исследователи). Это сложный, рефлектирующий герой, утверждающий в своем новом и весьма неопределенном сословном статусе *эстонскость*. Выход за пределы сословной ограниченности для Якоба (как и для Тимо) и не означает утраты национальности. Именно поэтому Кросс, вопреки исторической достоверности, заставляет

³ Некий перелом в чувствах к жене произошел, видимо, позже. Ср. в черновике письма к Александру I, опубликованном А. В. Предтеченским в монографии о Боке: «С каждым днем я привязываюсь к моей жене — она беременна и гонима всеми. Я могу исчезнуть, и ее участь тогда будет ужасна» [Предтеченский: 81].

Якоба писать свой дневник по-эстонски. В предисловии, где рассказывается история рукописи, якобы доставленной автору неким любителем эстонской старины, нашедшим ее в блокадном Ленинграде, специально оговорен вопрос о языке:

Эстонский язык перемежается в дневнике с иноязычным текстом, французским и немецким <подразумеваются переписанные Якобом отрывки рукописи Тимо. — *Л. К.*>, эти части переведены мною на эстонский, и весь текст унифицирован, чтобы сделать его доступнее современному читателю [Кросс: 6].

Между тем, по наблюдениям исследователей, не только в начале, но и во второй половине XIX в. языком образованных эстонцев оставался немецкий:

Эстонский язык в конце прошлого <т.е. XIX в. — *Л. К.*> века не был столь развит, чтобы его можно было использовать для обмена мыслями в сферах науки, литературы, искусства и др. Даже в таком оплоте эстонности, как Общество Эстонских Студентов, знание эстонского языка в 1890-е годы было «очень неудовлетворительным». Только в 1900 г. в устав ОЭС было внесено требование, чтобы член Общества в течение первого семестра полностью овладел эстонским языком [Karjahärm, Sirk: 194].

Разумеется, Яану Кроссу эти факты были прекрасно известны. Но для его концепции романа было необходимо другое. Поэтому в число действующих или упоминаемых лиц введено такое количество образованных эстонцев: врач и исследователь эстонского языка и фольклора Фридрих Роберт Фельман (1798–1850), известный топограф генерал Карл Теннер (1783–1860), эстонский пастор, исследователь эстонского языка Отто Вильгельм Мазинг (правда, этнически он был наполовину немцем). Все они своим бытием доказывают, что эстонцы могут встать на уровень европейской образованности, если хотя бы приоткрыть им дверь к просвещению. Недаром у Якоба перелом в восприятии меморандума Тимо наступает, когда он доходит до тезиса о равенстве всех классов перед законом и о том, что «знание уравнивает право занятия должностей».

Какой же предстает в романе Кросса Россия, ее история и культура? Для ответа на эти вопросы нам придется сначала проследить, как трактует их реальный Тимотеус (Тимофей Егорович) фон Бок (1786–1836) в своей воображаемой речи в Лифляндском Ландтаге, которую он направил Александру I в виде меморандума.

Хотя Бок писал свой текст по-немецки и потом перевел его на французский для императора⁴, он превосходно владел русским языком (что доказывает его письмо Жуковскому, опубликованное М. Салупере [Салупере: 65–66]) и принадлежал к кругу остзейцев-русифилов, именовавших друг друга в интимной переписке русскими уменьшительными именами: Тимоша (Т. фон Бок), Фединька (будущий генерал-фельдмаршал Фридрих Берг), Луша (Карл Лилиенфельд) [Salupere 1998: 73]. Соответственно, выбор языка, на котором текст был послан императору, — также жест, демонстрирующий независимость автора и как бы ставящий его на один уровень с адресатом. Это важно подчеркнуть, потому что Бок чувствует себя русским и видит в России свое отечество⁵: «Лифляндия всегда была мне родным домом, наиболее дорогим для меня местом на земном шаре, но никогда не была отечеством» [Бок: 193]. Бок считает, что лифляндское дворянство должно стать «неотъемлемой частью русского дворянства», в противном случае оно будет «только маленькой иностранной колонией»⁶. «Мы

⁴ Текст был опубликован А. В. Предтеченским в переводе на русский язык. См. о рукописи: [Бок: 191].

⁵ М. Салупере показала, что Т. фон Бок слушал в Дерптском университете курс лекций А. С. Кайсарова. Так что скорее всего он помнил и знаменитую «Речь о любви к Отечеству», произнесенную в Дерпте и напечатанную потом в «Сыне Отечества» (1813. № 27). Переключки между текстами очевидны.

⁶ Ход рассуждений Бока воистину поразителен: «Мы, лишенные, в силу хода вещей, утешения религии — наши церкви являются храмами равнодушия <...>, насколько были бы мы несчастны, если бы мы не имели даже отечества?» [Бок: 193], — говорит он, имея в виду остзейцев. Это замечание проясняет его идею сделать православную церковь, «как храм евангелия, народности и

должны быть русскими, мы можем быть русскими, станем же русскими», — призывает он лифляндцев.

У этой позиции есть два объяснения: первое — восхищение русским народом, основанное на опыте эпохи 1812 года:

Даже если бы в России не было дворянства, ее народ все равно занял бы выдающееся место среди других цивилизованных народов. Тот, кто сам имел случай сравнить низшие классы различных стран, находил, что русский бородач занимает первое место в Европе по своей религиозности, любви к родине, чистосердечию, деятельности, сообразительности. Нам не хватает еще, к несчастью, третьего сословия, вследствие чего, несмотря на большие усилия, мы постоянно падаем в грязь. Но что нам мешает создать его? С великой способностью русской нации к совершенствованию для этого нужно не более 20 лет [Бок: 194].

В приведенном рассуждении особенно характерно употребление местоимений «мы», «нам». Бок чувствует себя частью русской нации: «Сердце мое целиком принадлежит только великому народу, в тесном единении с которым я предпринял и совершил то, что является наиболее прекрасным в мире» [Там же: 193].

Конечно, под словом *нация* он подразумевает не этничность, а гражданство и причастность к русской культуре. Бок с восхищением перечисляет имена выдающихся поэтов (среди которых не забывает и своего друга Жуковского), скульпторов, художников, композиторов, актеров⁷, проявляя глубокую осведомленность в русской культуре, утверждает наличие в

терпимости» [Бок: 200], господствующей в новой, реформированной России.

⁷ Ср.: «Хотя русские пойдут дальше, но те, кто знает Державина, Дмитриева, Озерова, Крылова, Батюшкова, Жуковского, те, кто изучал Карамзина, видел Минина и Пожарского <имеется в виду памятник работы И. Мартоса. — Л. К.>, работы Толстого, Егорова и Уткина, те, кто слышал литургию Бортиянского, кто видел на сцене Шушерины, Брянского, Семенову и Данилову, те, господа, отдадут справедливость этим славным именам, причем делают это тем более охотно, если они знакомы с античным миром» [Бок: 194].

России «государственных людей с большими заслугами, способных решать задачи европейского масштаба» [Бок: 194]. Не забывает Бок и о православном духовенстве: «И хотя правительство ослабило духовенство в целом, голос Платона <т.е. Митрополита Московского Платона (Левшина). — Л. К.> слышится с тем большей силой» [Там же].

На этом фоне особенно резко и бескомпромиссно звучит критика в адрес правительства и главным образом лично императора. Деспотизм и рабство — вот пороки России. «Демагогия и ханжество всегда были первыми спутниками тирании» [Там же: 196], — утверждает Бок, и именно в этих пороках он обличает Александра I. Автор меморандума создал высокий риторический текст большой обличительной силы. Он называет царя Тартюфом, «тщеславие, ничтожество и произвол — его божество, которому он приносит в жертву страну» [Там же: 198]. Александр любит парады, «потому что парад есть торжество ничтожества» [Там же] — список подобных обвинений в тексте весьма внушительен. Конечно, мстительный царь не простил ни открытого разговора об убийстве своего отца Павла I, ни критики военных поселений, ни протеста против мистицизма Священного Союза, ни «проститутки» Крюденер⁸, ни обвинения в «измене родине» [Там же: 199] в связи с польским вопросом.

Однако нам необходимо вернуться ко второй причине, по которой Т. фон Бок призывает остзейцев влиться в состав «национального дворянства». По его мнению, остзейцы обладают древними конституционными правами и смогут повести за собой русское дворянство в борьбе с деспотизмом и произволом. У этой утопической и аристократической позиции было немало общего со взглядами Пушкина начала 1830-х гг., когда тот надеялся на чувства независимости и чести старого рус-

⁸ Бок насмешливо пишет, подразумевая Александра и баронессу Крюденер: «Предположим, что явился бы император, который не постыдился бы войти в связь с проституткой, или маниаком, или профессиональной обманщицей, выдающей себя за божью избранницу...» [Бок: 195].

ского дворянства, его способность противостоять бюрократическому произволу. Таким образом, Бок возлагает на лифляндцев великую миссию в преобразовании России.

Положительная программа Бока — это требование реформ, которые объединили бы нацию: представительное правление, конституция, гласность суда, уважение к закону и пр. В качестве лидера реформ он видит дворян, т.к. «они одни во всей империи цивилизованы» [Бок: 200]. В свою очередь, дворянство, «требуя от императора правосудия, порядка и гражданской свободы, гарантирует эти же права своим собственным подданным», т.е. крестьянам. В результате, называя рабство «институцией, столь же бессмысленной, сколь и возмутительной» [Там же: 192], Бок ставит несколько двусмысленный вопрос: «В наших ли интересах как дворянского сословия и в интересах ли страны в целом отделить от нас крестьянина»? [Там же: 193]⁹.

Вернемся к роману. Ю. М. Лотман в своем интервью об «Императорском безумце» [Lotman] уже отметил некоторые важные для текста Кросса литературные и исторические параллели: пушкинский прием исторического повествования в «Капитанской дочке», «Дон Карлос» Шиллера (существенный именно для русского контекста), «Горе от ума» Грибоедова, параллель между судьбой фон Бока и Чаадаева. К проницательной характеристике Лотмана: «“Горе от ума” Грибоедова — это и есть история Бока» [Там же: 70] — добавим, что в начале 1960-х гг. Я. Кросс перевел комедию Грибоедова на эстонский язык [Gribojedov], так что хорошо помнил, как Чацкий за свой «карбонаризм» был объявлен сумасшедшим. Очевидно, что переводческая работа не прошла даром для оригинального творчества писателя.

Конечно, было бы соблазнительно предположить, что Кроссу была известна статья Ю. Н. Тынянова «Сюжет “Горя от ума”» [Тынянов], впервые напечатанная в 1946 г., где тема мнимого безумия получила широкий историко-политический

⁹ В романе Якоб Меттик будет постоянно с недоумением возвращаться к этому тезису.

контекст (параллель с клеветой вокруг Байрона, с делом Чаадаева), но утверждать мы этого не можем. Как не знаем и того, читал ли Кросс статью Ю. М. Лотмана 1975 г. «Декабрист в повседневной жизни» [Лотман], где цитируется и меморандум Бока. Между тем, поведенческий кодекс Тимо, как он представлен в «Императорском безумце», поразительно переключается с лотмановским анализом бытового поведения декабристов.

В своем интервью, говоря о безумии как форме протеста, Ю. М. Лотман упоминает исследование Мишеля Фуко «История безумия в классическую эпоху». В принципе книга могла быть известна и Кроссу, т.к. вышла в 1961 г. и выдержала к 1970-м гг. несколько изданий на разных языках. Но опять-таки мы не имеем ответа на этот и другие вопросы и не исключаем, что даже открытие архива писателя не внесет в них ясности. Кросс был склонен скорее замечать следы своих творческих поисков, чем наводить на них исследователей¹⁰.

Как нам представляется, в указанных случаях мы имеем дело лишь с типологическими переключками, свидетельствующими о высочайшем уровне исторической интуиции эстонского романиста и о его глубоком проникновении в русский и европейский контекст начала XIX в.

Обратимся теперь к тому, как «Записка» Бока была переработана Кроссом в «Императорском безумце», и к тому, какой предстает перед читателями романа александровская и николаевская Россия. Трактовка дана как бы на двух уровнях:

1) сюжетно-событийном — арест Тимо, его исчезновение (семья не знает, куда и как надолго его увезли), потом освобождение и жизнь «безумцем» под домашним арестом;

2) идейном (восприятие идей Тимо). По сюжету Якоб Меттик находит в тайнике господского дома в Выйзику черновик меморандума, начинает его изучать, переписывать в дневник с

¹⁰ В своих лекциях «Автобиографичность и подтекст», прочитанных в Тартуском университете в 1998 г., говоря об «императорском безумце», он фактически ничего не сказал об источниках романа. См.: [Kross 2003: 84–90].

собственными комментариями, переходя от резкого неприятия позиции зятя к постепенному ее пониманию¹¹.

Романный текст меморандума Тимо далеко не всегда соответствует опубликованному оригиналу «Записки» Бока. Он **создается** Кроссом по законам жанра исторического романа. Иногда это — монтаж из разных мест «Записки», но часто — со значимыми добавлениями и смысловыми сдвигами¹²; некоторые же, весьма обширные, части вставлены Кроссом с опорой на иные источники, в частности, «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева¹³.

Приведем один, но весьма выразительный пример смыслового сдвига. Т. фон Бок пишет о Павле I:

Павел поплатился жизнью за насилие над дворянством, и если с тех пор появились еще новые примеры рабства, желание спокойного и достойного существования обнаруживается теперь (когда нация признала свое единство и силу) с тем большей силой [Бок: 194].

¹¹ Об эволюции, произошедшей с персонажем в ходе чтения меморандума, см.: [Laanes].

¹² Ср., например, письмо Тимо императору [Кросс: 93] с текстом реального письма: [Предтеченский: 80–81].

¹³ Эскурс в русскую историю эпохи Елизаветы [Кросс: 96–97] почти дословно выписан из соответствующей главы «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева: «Лопухиных всех троих и Анну Бестужеву казнить смертью, колесовать, вырезав язык. Ивана Мошкова, Александра Зыбина, князя Ивана Путятина, Софью Лилиенфельд казнить смертью — Мошкова и Путятина четвертовать, Зыбину и Лилиенфельд отсечь голову за то, что, слыша опасные разговоры, не доносили. Камергера Лилиенфельда за нерадение о том, что слышал от жены, лиша всех чинов, сослать в деревню; вице-ротмистра Лилиенфельда, подпоручика Акинфова и адъютанта Колычова определить в армейские полки; дворянина Ржевского высечь плетьюми и написать в матросы. Императрица изменила эту сентенцию таким образом: троих Лопухиных и Анну Бестужеву высечь кнутом и, урезав языки, послать в ссылку; Мошкова и Путятина высечь кнутом, Зыбина — плетьюми и послать в ссылку, Софью Лилиенфельд, пока не разрешится от бремени, не наказывать, а только объявить, что велено ее высечь плетьюми и послать в ссылку» [Соловьев: 228].

А вот как Кросс «проясняет» этот несколько путанный пассаж:

...Император Павел заплатил жизнью за насилие над дворянскими **правами и над человечностью**... А если и после того времени все еще наблюдается **тирания** и рабство, то мечта о **законной** и честной жизни ныне, когда **народ осознал** свое единство и силу, стала еще более властной [Кросс: 95]. (Выделено нами. — Л. К.)

Мы видим, как романист усиливает тираноборческую направленность текста.

Приведем один из очень многих примеров интерполяций. Кросс добавляет в текст Тимо рассказ о трусливом поведении Константина Павловича при Бауцене и его ругательство в адрес гусар: «Вы быки, только и умеете, что драться!» [Там же: 96], причем эти слова даны в эстонском тексте по-русски в следующей форме: «Вы, быки, вы умеете только драться!» [Kross 1978: 96]¹⁴. Фраза необходима для поддержки возмущенных реплик Тимо (также отсутствующих в оригинале Бока): «Господа, грязь должна течь в жилах вместо крови, чтобы стерпеть такое оскорбление <...> Я спрашиваю: кто же мы? Стадо семьи Романовых?» [Кросс: 96].

Восхищение русской культурой, присутствующее в тексте Бока, сохраняется и в меморандуме Тимо. Имеются в романе Кросса и сцены с сочувственным изображением личности Жуковского (см. об этом: [Киселева, Степанищева]), и неоднократные и очень положительные упоминания о декабристах — честных и мужественных борцах с тиранией. Но в целом критика деспотизма и деспота так или иначе переходит и на Россию — страну, где царит рабство и деспотизм. Поэтому Тимо, в отли-

¹⁴ Видимо, источником этой фразы послужила презрительная реплика Константина Павловича в адрес Егерского полка, встреченного великим князем в конце 1812 г., при начале заграничного похода, в «непарадной» одежде. Она передана Н. Тургеневым в книге «Россия и русские»: «Эти люди только и умеют, что сражаться!» [Тургенев: 27]. К вопросу о храбрости/трусости великого князя: [Кучерская: 112].

чие от его прототипа, не призывает лифляндское дворянство становиться *русским*. Это для Кросса концептуально важно.

Первоначально повествователь Якоб Меттик судит об окружающем с точки зрения эстонского крестьянина, для которого *все* господа и, в первую очередь, конечно, немцы (местные землевладельцы) — враги. Однако постепенно он проникается логикой зятя — этого «гвоздя в теле империи», как Тимо себя называет. И событийный пласт (арест, обыск, слежка за освобожденным «безумцем», доносительство) становится импульсом для постепенного расширения социально-политической перспективы. Поэтому и Якоб начинает рефлексировать над собственным отношением к верховной власти, над тем, какую позицию по отношению к ней должен занимать он сам, его бывший начальник-эстонец майор Теннер, а также сын Тимо и Ээвы Юрик.

По ходу повествования Яан Кросс последовательно разворачивает перед читателями образ империи, где востребована не честность, а угодничество, где служба государству легко оборачивается ложью и даже предательством.

Именно поэтому у Кросса фактически нет разницы между александровской и николаевской Россией. Одним из ее символов становятся жандармы, которые приезжают в Выйзику, чтобы арестовать Тимо [Кросс: 60]. В строгом смысле это не анахронизм. Яан Кросс опирался на опубликованное письмо Александра I к лифляндскому губернатору Паулуччи, где говорится о возможной посылке, правда, одного жандарма¹⁵.

Напомним, что Жандармский лейб-гвардии полуэскадрон, одетый в голубые мундиры, был образован в 1815 г. И все же это были другие жандармы, чем те, что потом стали подчиненными графа А. Х. Бенкендорфа. Их функция первоначально состояла в поддержании порядка в армии. Причем ни упомянутый полуэскадрон, ни образованный вскоре Жандармский полк не вошли потом в состав Отдельного корпуса жан-

¹⁵ Ср.: «Вы отправите г-на Бока с высылаемым к вам фельдъегерем, придав сему последнему, если будет нужно, одного жандарма в помощь» [Три письма: 115].

дармов, который возник при Николае I и действительно стал политической полицией. Но слово «жандарм» должно было вызвать у читателей «Императорского безумца» однозначные ассоциации, поэтому Кросс неоднократно прибегает к нему в романе. Недаром упомянута и «Пчела», т.е. едностранная газета «Северная пчела», хотя в 1822 г., о котором идет речь, она еще не выходила. Как и в случае с жандармами, даже образованный читатель романа, способный отреагировать на название газеты, был не обязан помнить, что она начала выходить на три года позже. Кроссу важно было наполнить свой текст знаками-символами, создающими образ России как полицейского государства.

Не будем множить примеров. В заключении постараемся объяснить функцию такого образа России, хотя это и так довольно очевидно. У трактовки Кроссом России — два плана: исторический и современный. Исторически речь идет об империи эпохи Александра I и Николая I, которая действительно являла собой деспотическое государство. Видимо, имело значение и то, что имперская Россия не вызывала особых симпатий у советских властей и у цензуры, а это делало достаточно острым роман Кросса более «проходимым». Но у него, как у всякого подлинного исторического романа, имелся и второй план.

Конечно, «Императорский безумец» — роман о политическом диссиденте, бросившем вызов власти и поплатившемся за свою смелость девятью годами одиночного заключения и гражданской смертью, отказавшемся бежать из страны, чтобы остаться «гвоздем в теле империи», воспринимался в СССР на рубеже 1970–80-х годов как очень актуальный. «Психушки», куда заключали советских диссидентов (в том числе, эстонцев) за политическое инакомыслие, физические методы воздействия в этих спецбольницах, в тюрьмах и лагерях, а также проблема компромисса с властью, перед которой рано или поздно оказывался любой мыслящий советский гражданин, вопрос об отъезде из страны (добровольной либо вынужденной эмиграции) или продолжения жизни «под прессом», опыт доносительства, сотрудничества с органами политического сыска —

все эти советские реалии легко извлекались читателем из подтекста «Императорского безумца»¹⁶.

Разумеется, никаких примитивных аллюзий Кросс не допускал¹⁷. Но как настоящий исторический романист он отвечал своим текстом на вопросы, которые волновали его современников и его самого. И читатель помнил, что Российская империя оказалась не вечна. В этом состоял еще один — на этот раз оптимистический — подтекст романа. Он давал надежду. Поэтому глубоко не случайно, что в «Императорском безумце» уделено такое внимание «эстонской доле».

ЛИТЕРАТУРА

- Бок: Записка Т. Е. Бока / Публ. А. В. Предтеченского // Декабристы и их время: Мат. и сообщения. М.; Л., 1951.
- Киселева, Степанищева: *Киселева Л. Н., Степанищева Т. Н. В. А. Жуковский — почетный доктор Тартуского университета* // Вышгород. 2003. № 3. С. 48–56.
- Кросс: *Кросс Я. Императорский безумец. Роман.* Таллин, 1987. Изд. 2-е.
- Кучерская: *Кучерская М. Константин Павлович.* М., 2005.
- Лотман: *Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория)* // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25–75.
- Лыжин: *Лыжин Н. Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы* // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859. Т. 1. Отд. 1.
- Предтеченский: *Предтеченский А. В. Современник декабристов* — Т. Г. Бок. Таллин, 1953.

¹⁶ В своих лекциях Кросс говорил об «исторических рифмах» между 1820-ми и 1970-ми годами: [Kross 2003: 88–89]. Р. Вейдемманн пишет о том, что выступление эстонской интеллигенции в 1980 г. против русификации Эстонии, известное как «письмо сорока», в частности, вдохновлялось поступком героя «Императорского безумца» [Veidemann: 323].

¹⁷ Ср. его собственное признание: [Kross 2003: 84].

- Салупере: *Salupere M.* К биографии «императорского безумца» // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Таллинн, 1995. С. 57–79.
- Соловьев: *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн. XI: История России с древнейших времен. Т. 21–22.
- Три письма: Три письма императора Александра Павловича к маркизу Пауллуччи // Русский архив. 1886. № 5.
- Тургенев: *Тургенев Н.* Россия и русские. М., 2001.
- Тынянов: *Тынянов Ю. Н.* Сюжет «Горя от ума» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 347–379.
- Gribojedov: *Gribojedov, A. S.* Häda mõistuse pärast: Komöödia neljas vaatuses värssides / Tõlk. J. Kross. Tallinn, 1964.
- Karjahärm, Sirk: *Karjahärm, T., Sirk, V.* Eesti haritlaskonna kujunemine ja ideed: 1850–1917. Tallinn, 1997.
- Kross 1978: *Kross, J.* Keisri hull. Tallinn, 1978.
- Kross 1982: *Kross, J.* Olga Samma juubeliks // Looming. 1982. Nr 6. Lk 853–854.
- Kross 2003: *Kross, J.* Omaeluloolisus ja alltekst. Tallinn, 2003.
- Laanes: *Laanes, E.* Jakob Mättik Jaan Krossi “Keisri hullus”: jutustajast tegelaseks // Kultuuri maailmad. Cultural Worlds. Tallinn, 2004. Lk 201–219 (Acta Collegii Humaniorum Estoniensis. Eesti Humanitaarinstituudi toimetised, 4).
- Lotman: *Lotman, J.* Väga ühiskondlik, väga vajalik raamat // Metamorfiiline Kross: Sissevaateid Jaan Krossi loomingusse. Tallinn, 2005. Lk 66–71.
- Salupere 1990: *Salupere, M.* Mõnda mõistatusliku inimese elukäigust: Lisandusi Timotheus Eberhard von Bocki tundmiseks // Looming. 1990. Nr 7. Lk 983–993.
- Salupere 1998: *Salupere, M.* Tõed ja tõdemused: Sakste ja matside jalajäljed nelja sajandi arhiivitolmus. Tartu, 1998.
- Veidemann: *Veidemann, R.* Eesti müüt ja Jaan Kross // Veidemann, R. Ajavahe: mälestusi, pihtimusi, esseid. Tallinn, 1996.